

УДК 342.417; 303; 330.101; 330.8; 338.2

DOI: 10.34670/AR.2023.77.40.022

**Конституционно-экономическая наука: разнообразие
исследовательского поля и методологических подходов (к
юбилею кафедры конституционного и муниципального права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)**

Болдырев Олег Юрьевич

Кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономической политики и проблем экономической безопасности,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
ассистент кафедры конституционного и муниципального права,
доцент кафедры политической экономии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: oleg211291@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается как взаимосвязь конституционного права и экономики, так и различные подходы к ее изучению, предпринимавшиеся и в экономической, и в юридической науке, и в рамках междисциплинарных исследований. В статье показывается, что связь конституционного права и экономики не является лишь современной тенденцией, как это часто подается в современной литературе. Ряд институтов «классического» конституционного права, а также первые конституции появлялись в тесной связи с решением экономических проблем и отражали подходы различных школ политической экономии, а также предшествовавших им философских концепций. Ряд положений, закрепленных в старейших конституционных актах и касающихся экономической сферы, впоследствии получили иное содержательное наполнение в результате их толкования органами конституционного контроля. Показано, что те или иные аспекты осмысления взаимовлияния конституций, законодательства и экономики осуществлялись представителями различных школ политической экономии, «исходной» и «новой» институциональной экономики, фрайбургской школы «ордолиберализма» и другими представителями экономической науки. Аналогично и представители конституционно-правовой (государственно-правовой) науки обращались к экономической проблематике. Среди них – и дореволюционные (Б.Н. Чичерин), и советские (А.А. Мишин) профессора кафедры конституционного и муниципального права МГУ. Показано, что «конституционно-экономическая» проблематика выходит далеко за рамки конституционного регулирования экономики, но включает широчайший спектр разнородных проблем. На их анализ претендуют такие по-разному понимаемые направления, как «конституционная экономика», «экономическая конституция», «экономический конституционализм». Обращается внимание на потенциал «конституционной политической экономии».

Для цитирования в научных исследованиях

Болдырев О.Ю. Конституционно-экономическая наука: разнообразие исследовательского поля и методологических подходов (к юбилею кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 8А. С. 166-183. DOI: 10.34670/AR.2023.77.40.022

Ключевые слова

Конституционные основы экономики, конституционная экономика, конституционная политическая экономия, экономическая конституция, экономический конституционализм, правовой институционализм, институциональная политическая экономия, роль государства в экономике, конституционные основы финансовой системы, конституционное регулирование собственности.

Введение

В честь юбилея кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (далее – МГУ), упомянем, что тем или иным аспектам экономики преподаватели и профессора кафедры уделяли внимание еще с дореволюционного периода. Родоначальник отечественной науки государственного права и профессор МГУ (тогда – Императорского Московского Университета) Б.Н. Чичерин одну из своих работ так и назвал: «Собственность и государство» [Чичерин, 1882]. И спустя сто лет профессор кафедры А.А. Мишин подчеркивал взаимосвязь конституции и экономики [Баренбойм, Мишина, 2020, 39].

В последние годы преподаватели кафедры разработали и преподают в магистратуре юридического факультета и в филиалах МГУ курсы «Конституционная экономика» (к.ю.н., доцент кафедры О.И. Баженова; в преподавании курса также участвовал один из создателей российской школы конституционной экономики П.Д. Баренбойм), «Конституционные основы и практика законодательного регулирования стратегических отраслей экономики» (к.ю.н., доцент кафедры Т.К. Ковалева), «Конституция и экономика» (к.ю.н., ассистент кафедры О.Ю. Болдырев). Хотя «конституционно-экономические исследования» еще не получили широкого развития на кафедре (несмотря на указанные предпосылки), за последние годы преподаватели кафедры защитили диссертации и опубликовали монографии либо напрямую связанные с экономической тематикой [Болдырев, 2018], либо связанные с ней косвенно [Шевердяев 2020]¹. А заведующий кафедрой профессор С.А.Авакьян выступил одним из редакторов первого ежегодника по конституционной экономике (2018г.) [Ежегодник конституционной экономики, 2018].

Название статьи обусловлено попыткой автора уйти от приверженности какому-либо из исходно западных, но последние 20 лет получающих развитие в России направлений исследования на стыке конституционно-правовой и экономической наук². Так, ни

¹ В момент написания данной статьи к защите представлена докторская диссертация О.И.Баженовой на тему «Категория юридического лица в конституционном праве: обоснование и проблемы применения».

² Развитие соответствующих направлений на Западе также продолжается – см., например: The Idea of Economic Constitution in Europe, 2022. Издается журнал «Constitutional Political Economy».

«экономической конституцией», ни «конституционной экономикой» не исчерпывается конституционно-экономическая проблематика (так, Н.С. Бондарь развивает концепцию «экономического конституционализма») [Бондарь, 2019, 127]. Более того, «конституционное регулирование основ экономических отношений» подробно изучалось советскими авторами, которые не использовали названные выше термины [Чиркин, 2016, 12-13].

В то же время, «конституционно-экономическая» наука не сводится и к конституционному регулированию экономики и может изучать также самые различные аспекты их *взаимовлияния*, которое разнообразнее, а «история их отношений» более долгая, чем это представляется многим авторам.

Связь конституционного права и экономики – современная тенденция?

Часто исследователи отмечают, что одной из тенденций развития конституционного права в современном мире является его стремление урегулировать социально-экономические отношения. Но ускользает из виду, что связь с экономикой не только не является новой для конституционного права, но прослеживается сквозь призму всей его истории. Даже такой основополагающий институт «классического» конституционного права, как парламентаризм исторически возникал в связи с финансовыми (используя современную терминологию, хотя ее применение к той эпохе и дискуссионно – бюджетно-налоговыми) вопросами³.

Можно вспомнить Великий мартовский ордонанс во Франции 1357 г., который предвосхитил (задолго до «буржуазных революций» и первых писанных конституций в современном смысле этого слова) современные идеи конституционного и финансового права, в частности, ограничения финансовых полномочий «исполнительной» власти, бюджетного процесса и независимого («внешнего») финансового контроля, осуществляемого Парламентом либо специально учрежденным им контрольно-счетным органом (в Великом мартовском ордонансе уже упоминалась «Счетная палата»).

Другой пример: хотя предпосылкой Борьбы за независимость и, соответственно, будущей государственности США изначально был экономический протест против увеличившихся налогов (с точки зрения современного взгляда, скорее, «поборов») со стороны Великобритании, но экономический протест быстро перерос в протест конституционно-правовой, выраженный знаменитым лозунгом «no taxation without representation» («нет налогам без представительства»). Идея протеста не против новых налогов, а против самой возможности введения налогов теми, кого налогоплательщики не избирали в качестве своих представителей в парламент (английские юристы пытались ответить доктриной «виртуального представительства») – это по своей сути уже конституционно-правовая идея, получившая отражение в конституциях и бюджетном и налоговом законодательстве современных демократических государств.

Провозглашая в Декларации независимости США 1776 г. «естественные и неотъемлемые права», ее разработчики сознательно не упомянули право собственности, заменив его правом «на стремление к счастью», поскольку Т. Джефферсон считал допустимым ограничение частной собственности в общественных интересах.

---

³ Из современных исследований про связь парламентаризма и публичных финансов – см., например: [Bateman, 2020].

Разработчики же Конституции США стояли уже на других позициях. Так, в первом очерке «Федералиста» А.Гамильтон обещал в серии статей рассмотреть среди прочего «дополнительную гарантию», которую даст принятие Конституции США «сохранению <...> свободы и собственности» [Федералист, 1993, 32]. Известна работа Ч. Бирда, где он анализировал, как отразились в тексте Конституции США экономические интересы ее разработчиков [Beard, 1962]. А спустя всего несколько лет после вступления в силу Конституции США в V поправке к ней уже прямо было закреплено право частной собственности («ни одно лицо не должно лишаться <...> собственности без должной правовой процедуры...»), получившее дополнительные гарантии в практике Верховного Суда США.

При этом, вопреки распространенному мнению, поддержка отцами-основателями Конституции США права частной собственности вовсе не сочеталась у них с идеей свободного предпринимательства. Это выглядит парадоксально: сегодня «экономические либералы» выступают, как правило, в поддержку как частной собственности, так и свободы предпринимательства и свободы торговли. В «юных» же США ситуация выглядела иначе: представлявший интересы промышленников и банкиров (тогда еще не наблюдался отмечаемый сегодня «конфликт промышленного и финансового капитала») А.Гамильтон выступал одновременно защитником интересов крупных собственников, но при этом критиком свободы торговли и ярким протекционистом и сторонником государственного регулирования экономики. В противоположность ему Т. Джефферсон (представлявший в первую очередь мелких фермеров) считал допустимым ограничение в общественных интересах права частной собственности, но при этом выступал против государственного вмешательства в экономику [Шлезингер, 1992, 313-317].

Но даже такой сторонник нерегулируемого государством рынка, как Т. Джефферсон (известна его фраза «Получай мы указания из Вашингтона, когда нам сеять, а когда собирать урожай, мы, пожалуй, остались бы без хлеба»), считавший лучшей книгой работу Адама Смита «Исследование о природе и причине богатства народов»⁴ (по знаменательному совпадению вышедшую в том же 1776 году, когда была провозглашена Декларация независимости США), став Президентом, выступал за усиление государственного участия в экономике и во время своего второго срока предлагал Конгрессу использовать для этого имеющиеся полномочия или внести соответствующие поправки в Конституцию [Шлезингер, 1992, 311-317].

Известна и другая «конституционно-экономическая» полемика между Т.Джефферсоном и А.Гамильтоном. Последний был создателем эмиссионного «Первого Банка США» (один из предшественников ФРС). Джефферсон же выступал против наделения его такими полномочиями, как денежная эмиссия, в том числе, ссылаясь на Конституцию (по разделу 8 ст. 1, денежная эмиссия – «чеканка монеты», регулирование ценности «монеты» и «иностранный монеты» – компетенция Конгресса).

Идеи свободы предпринимательства (и то применительно только к внутреннему рынку) одержали победу в США только после окончания Войны Севера и Юга [Шлезингер, 1992, 332]. Но эта победа экономического либерализма в США была неокончательной. В конце XIXв. возникает антимонопольное законодательство (Акт Шермана 1890г.), получает развитие

---

⁴ Правда, ниже будет сделана оговорка о том, что идеи А.Смита часто толкуются ссылающимися на его авторитет сторонниками радикального экономического либерализма упрощенно: подход А.Смита на самом деле был более глубоким и взвешенным.

социальное законодательство штатов. Сторонником усиления государственного регулирования экономики, а одновременно – и признания того, что право частной собственности может быть ограничено в общественных интересах в начале XX в. выступил Теодор Рузвельт, позже за усиление государственного регулирования экономики и социальной функции государства выступал В. Вильсон [Шлезингер, 1992, 338-340].

Отметим конституционно-правовой аспект: первая треть XX в. – это противоборство между попытками законодателя урегулировать социально-экономические отношения, в необходимых случаях усиливая роль государства в экономике, с одной стороны, и направленностью американских судов, признававших соответствующие нормы неконституционными, с другой стороны. Широко толкуя термин «свобода» в V и XIV поправках к Конституции США как экономическую свободу договора, Верховный Суд признавал неконституционным установление максимальной продолжительности рабочего времени (дело *Lochner v. New York* в Верховном Суде 1905 г.⁵), минимальный размер оплаты труда (дело *Adkins v. Children's Hospital*⁶) и другие аксиомы (с точки зрения современного взгляда) социального государства. Как отметил в особом мнении к делу *Lochner v. New York* судья О. Холмс, Верховный Суд реально руководствовался не столько Конституцией, сколько определенной экономической теорией, однако Конституция не придает юридическую силу «Социальной статике» Г. Спенсера⁷ (одна из самых популярных тогда работ, аргументировавших государственное невмешательство).

С проблемой противоборства со стороны судов столкнулся и Ф. Рузвельт при проведении «Нового курса». Ему пришлось даже «пригрозить» реформировать Верховный Суд. И в деле *West Coast Hotel Co. v. Parrish* 1937 г. Верховный Суд США поменял свою позицию, признав конституционным (и даже необходимым) законодательное регулирование минимального размера оплаты труда и обеспечение социальных прав граждан⁸.

Примеру США не случайно уделено внимание. Показательно, что в государстве со старейшей до сих пор действующей писаной Конституцией в современном смысле этого слова конституционное право и экономика с самого возникновения государства теснейшим образом взаимодействовали.

В конституционных же актах революционной Франции, вдохновленной лозунгом Вольтера «Свобода и собственность – вот крик народа» (сам Вольтер был вдохновлен идеей Дж. Локка о «естественном» праве собственности), право собственности сразу (в отличие от Декларации независимости США) закреплялось в качестве естественного, неотъемлемого и даже «священного» (см., например, ст. 2 и 17 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.; ст. 2, 8, 16, 19 Декларации прав человека и гражданина 1793 г.; Конституционные акты Франции 1791 и 1793 гг.⁹). Восходящая к римскому частному праву абсолютизация права частной собственности получила закрепление сначала на конституционном уровне, а затем в текущем законодательстве. Так, абз. 1 ст. 552 Французского гражданского кодекса 1804 г. (Кодекс Наполеона) закреплял: «Собственность на землю включает в себя собственность на то, что находится сверху, и на то, что находится снизу» [Хрестоматия по истории государства и права

⁵ *Lochner v. New York*, 198 U.S. 45 (1905).

⁶ *Adkins v. Children's Hospital*, 261 U.S. 525 (1923).

⁷ *Lochner v. New York*, 198 U.S. 45 (1905).

⁸ *West Coast Hotel Co. v. Parrish*, 300 U.S. 379 (1937).

⁹ Отметим, правда, что в конституционных актах революционной Франции можно наблюдать «конкуренцию» идей Вольтера и Руссо: последний не был таким апологетом частной собственности и допускал ее ограничения.

зарубежных стран, 2010, 480].

Правда, всего через 6 лет после принятия Французского гражданского кодекса Закон от 21 апреля 1810 г. о рудниках и каменоломнях изменит подход, установив, что рудники могут эксплуатироваться лишь на основании рассматриваемого в Государственном совете акта о концессии, а Декретом от 30 октября 1935 г. будет установлено прекращение концессии в случае, если в течение 10 лет рудник не эксплуатировался [Болдырев, 2018, 320].

Не останавливаясь подробно на эволюции конституционного (как известно, Франция – рекордсмен по количеству конституций в Европе) и законодательного регулирования права собственности во Франции, отметим только, что в очередной раз вопрос о конституционно-правовом признании частной собственности встал в 1982 г., когда Конституционный совет провозгласил возможность ее конституционной защиты (равно как и конституционной защиты свободы предпринимательства), в то же время, признав, что оба эти права не являются абсолютными, а их эволюция приводит к выводу о возможности их ограничения¹⁰.

Интересно, что и Конституция Польши 1791 г., которую часто называют первой конституцией Европы, также уделяла внимание экономическим вопросам, в частности, предоставляя гарантии права собственности на землю и движимое имущество (в первую очередь, защищая привилегии шляхты). Таким образом, уже первые конституции (а также более ранние акты, затрагивавшие конституционно-правовые вопросы – такие, как Великий мартовский ордонанс) принимались под влиянием, в том числе, и экономических причин, отражали подходы различных политэкономических (а до этого – философских) школ мысли, а также регулировали отдельные аспекты экономики, причем, получающие дальнейшее развитие как в публичном праве (финансово-правовые вопросы), так и в частном праве (право собственности и т.д.). В некоторых случаях (как это было показано на примере США) толкование касающихся экономической сферы положений тех же конституционных актов со временем эволюционировало.

Конечно, более подробное регулирование экономических и особенно социальных прав (причем, не только в конституциях, но и на международно-правовом уровне) – заслуга XX века (в связи с чем их обычно относят к «правам второго поколения»). Более детальное конституционно-правовое регулирование социально-экономической сферы жизни – тоже тенденция последних 100 лет (если отсчитывать от Конституций Мексики 1917 г., Конституции РСФСР 1918 г., и Веймарской конституции 1919 г.), в рамках которых можно выделять несколько «волн» конституционно-правового регулирования в этой области. Но, отмечая эту тенденцию, не стоит забывать о неразрывной связи конституционного права и экономики на всем протяжении конституционно-правовой практики и становления государственно-правовой (конституционно-правовой) науки.

Многообразие методологических подходов к исследованию взаимовлияния конституционно-правовых и экономических факторов

Не только взаимовлияние конституционного права и экономики, но и его исследование имеет долгую историю.

---

¹⁰ 81-132 DC, 16 janvier 1982.

Экономическая наука как самостоятельная дисциплина появилась в виде «политической экономии» (термин связывают с выходом в 1615 г. «Трактата о политической экономии» А. де Монкретьена). Ее создателей – т.н. «меркантилистов» интересовало экономическое развитие государства (отсюда и термин «политическая» в названии дисциплины; методологический индивидуализм был им чужд), а особое внимание уделялось «политическому аспекту» - столь важному и для науки государственного (конституционного) права.

На смену меркантилизму пришла либеральная политическая экономия («физиократы», а затем «классическая политическая экономия»). Нередко «меркантизм» рассматривают в качестве «преднаучной» школы, а полноценную экономическую науку отсчитывают от работы Адама Смита. Но мало, кто знает, что за 21 год до появления «Исследования о природе и причине богатства народов» А.Смита Жан-Жак Руссо предложил иную политическую экономию: «Почти одновременно стартовал две политические экономии, политэкономия Смита, продвигающая мировоззрение человека-торговца и политэкономия Руссо, дающая старт формулированию видения социально-экономического мира глазами человека-гражданина» [Ефимов, 2016, 345-346]. К сожалению, Ж.Ж. Руссо, про которого не забывают в литературе по философии и по истории политических и правовых учений, редко упоминается в литературе по истории экономических учений. А его подход может представлять особый интерес для конституционалистов.

Кроме того, классики и либеральной политической экономии (в частности, А. Смит и И. Бентам) также уделяли немалое внимание роли государства и права в регулировании экономики. Исследователи отмечают, что хотя «в карикатурном видении теория А. Смита часто трансформируется в доктрину свободного рынка, в который государство не должно вмешиваться», на самом деле «ничто не может быть более чуждо оригинальной социальной теории Смита» [Федотова, Колпаков, 2010, 12]. Более того, по замечанию П.Д. Баренбойма, «политическая экономика Адама Смита была пронизана конституционными идеями...» [Баренбойм, 2018, 10].

Другой классик английской политэкономии Дж.Ст. Милль (сформулировавший в рамках политической философии также ряд важных конституционно-правовых идей – см., например, его работу «О представительном правлении») полагал, что в отличие от сферы производства (которая, по его мнению, подчиняется строгим экономическим законам, имеющим «характер истин, свойственный естественным наукам»), «распределение всецело является делом человеческого учреждения <...> зависит от законов и обычаев общества» [Милль, 1980, 337-338]. Такие исследователи, как Дж. Грей, Дж.Ст. Милль и С. Сисмонди отмечали потенциал законодательства в сглаживании недостатков свободного рынка и ужасов «дикого капитализма» (если Дж. Грея обычно относят к социалистам, то Дж.Ст. Милль – признанный представитель либеральной мысли, хотя он одновременно поддерживал ряд социалистических идей и был одним из родоначальников «социального либерализма», а С.Сисмонди, разочарованный в последствиях нерегулируемого капитализма, предложил «новый подход к политической экономии», предвосхитив идеи «социально-ориентированной рыночной экономики», получившие развитие в XX веке).

Значительное внимание стыку экономики и права уделял марксизм. Причем, если марксисты исходили из того, что экономика – это «базис», а право – часть «политико-правовой надстройки», то, например, позиция представителя немецкой социологической школы Р. Штаммлера была во многом обратной. Многие представители немецкой «исторической

школы»¹¹, в частности, Г. Шмоллер, отрицали существование «универсальных экономических законов» (существование которых предполагали как представители либеральной классической политэкономии и неоклассического «economics»), так и их идеологические противники – марксисты), вместо них отводя ведущую роль институтам (в том числе, правовым).

Даже если названные выше авторы напрямую и не говорили о конституциях и конституционном праве, их предложения по концептуальному преобразованию социально-экономического устройства носили конституционно-правовой характер. Так, идеи «социального либерализма» предвосхитили получивший впоследствии конституционное закрепление во многих государствах принцип социального государства. И сама концепция «социального государства» развивалась изначально не столько юристами-конституционалистами, сколько экономистами (Л. фон Штейн был и экономистом, и философом, и историком, и правоведом, а разрабатывавший идею «государства культуры и всеобщего благоденствия» А. Вагнер – экономистом из «школы Шмоллера», активно участвовавшим в создании первой в мире системы пенсионного обеспечения и разработке других социальных программ Бисмарка). Причем, в развитии социального либерализма сыграли роль не только экономисты, но и философы и политики, например, Томас Хилл Грин. Его позиция была радикальнее других деятелей Либеральной партии Великобритании. Так, при прохождении парламентского Закона о реформе 1867 г. он выступал против имущественных цензов в избирательном праве (показательный пример связи экономики и конституционного права).

Иногда экономисты, не апеллируя напрямую к конституционному праву, формулировали идеи, носящие конституционно-правовой характер, либо использовали конституционно-правовую аргументацию своей экономической позиции. Так, французский «солидарист» Ш. Жид писал, что «классическое возражение против вмешательства государства в экономические отношения, состоящее в указании на то, что это вмешательство дурно, потому что оно имеет принудительный характер, теряет значительную дозу своей основательности с тех пор, как закон становится только решением большинства, задается как бы постановлением общественного мнения» [Жид, 1906, 17]. И спустя более ста лет Д.Е. Сорокин отмечал: «Задачей обществоведческой мысли становится научное обоснование институтов, с одной стороны, обеспечивающих пресечение злоупотреблений властными полномочиями со стороны органов государственной власти <...>, с другой – не допускающих, чтобы такие действия превращались в борьбу за ослабление объективно необходимой роли российского государства в регулировании <...> экономической жизни общества» [Сорокин, 2020, 24]. Если вторая часть этого тезиса носит в большей степени экономический характер, то первая – в чистом виде конституционно-правовой.

Таким образом, «политическая экономия» в лице разных (нередко противостоявших друг другу) школ мысли обращалась к политическому (а с точки зрения юридического оформления – конституционно-правовому) аспекту.

Но с начала XX века «политическую экономию» во многих государствах (особенно в странах англо-саксонской системы) вытеснила другая дисциплина – «economics» (на русский язык обычно переводится, как «экономика» или «экономическая теория»). Один из ее

---

¹¹ Не стоит путать немецкую историческую школу права и немецкую историческую школу в экономической науке, хотя некоторый «диалог» между ними прослеживается.

создателей А. Маршалл сформулировал цель «очистить» экономическую науку от «лишних примесей» других общественных наук: социологии, политической науки, этики и т.д. (похожую идею применительно к юридической науке сформулирует Г. Кельзен в рамках идеи «чистого учения о праве») и «перевести» на язык математики, который (в соответствии с позицией А. Маршалла) должен был придать экономической науке «строгость» и выстроить ее по образцу точных и естественных наук (разработанное А. Маршаллом и ставшее доминирующим в рамках «economics» направление получило название «неоклассической теории»: от классической либеральной политэкономии были заимствованы идея «невидимой руки рынка» и принцип «laissez faire» – невмешательства государства в экономику, но «трудовая теория стоимости» была заменена на разработанную «маржиналистами» теорию «предельной полезности», а обращение к политическим, социальным и этическим аспектам было заменено математическими моделями).

Однако такой подход стал объектом критики: используемые в неоклассическом economics абстрактные математические модели при внешней «строгости», тем не менее, оторваны от реальной экономической жизни, которая протекает не в «вакууме», а (если продолжать использовать терминологию физики) в определенной «среде» – имеется в виду институциональная (в том числе, правовая) «среда». Особое внимание институтам и их анализу проявили создатели т.н. «классического» («старого», «исходного», «оригинального») институционализма (не стоит путать институционализм в экономической науке с институционализмом в юриспруденции, восходящим к М. Ориу и др.), применившие к анализу экономической проблематики методологию иных общественных дисциплин. Если одни из них уделяли основное внимание социологии (Т. Веблен), то другие – праву (Дж. Коммонс). И хотя, например, Дж. Коммонс больше уделял внимание трудовому праву, но он обращался к практике Верховного Суда США, где, как уже говорилось выше, нормы трудового законодательства становились объектами конституционного контроля.

Через некоторое время популярность «институционализма» снизилась, а потом он возродился в виде «нового институционализма» / «неоинституционализма» (иногда эти термины разграничивают, но здесь будем рассматривать их как синонимы). И хотя именно в рамках неоинституционализма зародился ряд направлений экономической науки, смежных как с правом в целом («теория прав собственности»; «теория контрактов»; «теория фирмы»; «экономический анализ права»), так и с конституционным правом в частности («конституционная экономика» Дж. Бьюкенена), но нужно понимать, что если «исходные» институционалисты «шли к экономике от права и политики, пытаясь изучать проблемы современной экономической теории методами других наук об обществе», то «неоинституционалисты идут прямо противоположным путем – изучают политологические и правовые проблемы методами неоклассической экономической теории» [Нуреев, 2010, 195]. При этом неоинституционализм и «отпочковавшиеся» от него направления рассматривают самые различные неэкономические сферы человеческих отношений (применительно к «конституционной экономике» Дж. Бьюкенена – конституционно-политические отношения) как некий аналог рынка («экономический империализм»), возвращаясь при этом к неоклассической методологии (презумпции рациональных индивидов, стремящихся «максимизировать свою полезность»). Автору данной статьи приходилось писать, что эта попытка «поверить алгеброй гармонию» нерыночных отношений хотя и представляет интерес, как игра ума (нобелевский лауреат по экономике Г. Беккер пытался таким образом моделировать даже отношения в сфере семейных отношений), но редуцирует и вульгаризирует

реальную жизнь. Применительно к конституционно-правовой сфере – превращает народ из «суверена» в «потребителя», выступает предпосылкой таких опасных тенденций, как перевод государственных функций (здравоохранение, образование и т.д.) в «услуги» с возможностью их коммерциализации и т.д.; является предпосылкой иногда сомнительного заимствования частно-правовой терминологии в публично-правовой сфере (появление в ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» наряду с исходным термином «контроль» термина «аудит», заимствованного из корпоративной сферы) и т.д. [Болдырев, 2018, 92-96].

В современной России под институциональной экономикой часто понимают именно «новый институционализм» (см. работы А. Аузана, В. Тамбовцева, А. Шаститко и др.). В то же время, вопреки распространенному мнению, «исходный» институционализм не умер: его традиции продолжили такие известные западные исследователи, как Дж.К. Гэлбрейт, Р. Хайлбронер, Дж. Ходжсон, доцент экономического факультета МГУ А.И. Московский, д.э.н. В.М. Ефимов и др. Интересно также, что Д. Норт, прославившийся как один из лидеров неоинституционализма, после получения Нобелевской премии по экономике фактически вернулся к подходу «исходного» институционализма [Ефимов, 2016, 274; Мальцев, Розинская, 2021].

Признаем: конечно, на экономику влияют далеко не только правовые институты. Как отмечал Д. Норт, «даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [Норт, 1997, 56]. Так, с разницей в полтора века А. Токвиль и Д. Норт обращались к одному и тому же сопоставлению США и Мексики: даже заимствование формальных (правовых) институтов не дает в них схожего экономического эффекта [Александрова, 2009, 20]. Но, с другой стороны, даже такой известный противник государственного вмешательства в экономику как Ф. фон Хайек был вынужден признавать, что институты, положительный эффект от которых связан с «целым рядом неявно присутствующих в культурной атмосфере старых демократий элементов и принимавшихся по умолчанию принципов», должны «превратиться в статьи конституций там, где подобное умолчание не работает» [Александрова, 2009, 209].

Подхваченная российскими исследователями «конституционная экономика» зажила своей жизнью и стала развиваться юристами, привнесшими в нее свое понимание. «Конституционную экономику» Дж. Бьюкенена Г.А. Гаджиев предлагает именовать «конституционАЛЬНОЙ экономикой»: «в отличие от конституциональной экономики, которая является экономической дисциплиной, близкой к сфере институциональной экономики, под конституционной экономикой, согласно сложившейся в российской юридической науке традиции, понимается междисциплинарная система идей с преобладанием юрикоцентристского подхода» [Гаджиев, 2019, 8] (правда, это только один из подходов к определению конституционной экономики в России; более того, иногда под ней понимают не научное направление, а саму экономику, которая должна функционировать в соответствии с конституционными нормами [Чиркин, 2016, 11-13] – то есть, не дисциплину, а объект исследования).

По мнению Г.А. Гаджиева, «синонимом является наименование этой системы идей экономической конституцией» [Гаджиев, 2019, 8]. Но, представляется, что термин «экономическая конституция» также многозначный, причем, имеет иное происхождение. Если не вспоминать его редкое использование до XX века, то идея «экономической конституции» – как и «конституционная экономика» – сначала получила развитие в экономической науке, но в рамках другой ее школы – фрайбургской школы «ордолиберализма» (В.Ойкен, Ф.Бем и др.).

Хотя (как и либералы в целом) они выступали в защиту рыночной экономики и конкуренции, но в отличие от других неолибералов не отрицали (и, более того, подчеркивали) роль государства в экономике. Они исходили из того, что рынок – это институт (здесь подход в некотором отношении близкий к исходным институционалистам), который должен государством поддерживаться (в том числе, путем антимонопольного регулирования и т.д.)¹² и обращали внимание на необходимость «экономической конституции» (речь шла не о нормативном акте, а о некоторых рамочных правилах и для государства, и для бизнеса в рамках экономических отношений) [Баев, 2020, 202-203].

Юристы подхватили термин «экономическая конституция» и стали развивать в рамках конституционно-правовой науки, понимая под этим термином то «теорию экономической конституции», то являющуюся объектом ее исследования совокупность конституционных норм и принципов, регулирующих экономику (яркий пример – работы Г.Н. Андреевой). Иногда, правда, этот термин используется и в переносном значении: под «экономической конституцией» понимают базовые законы в сфере регулирования экономических отношений (например, Гражданский кодекс) или даже потенциально возможный нормативный правовой акт с таким названием.

Таким образом, признавая немалые достижения в рамках каждого из указанных направлений исследований, отметим, во-первых, многозначность соответствующих терминов; во-вторых, наличие ряда серьезных «конституционно-экономических исследований» и без использования этих терминов (как в работах экономистов по «политической экономике» на протяжении нескольких веков и по «институциональной экономике» в последние сто лет, так и в работах юристов-конституционалистов, в частности, в отечественных работах по конституционным основам экономики), а в-третьих, что каждое из этих междисциплинарных «конституционно-экономических» направлений (а также новых направлений, таких, как «экономический конституционализм» Н.С. Бондаря) имеет право на существование, собственные методологические подходы и ракурс исследования.

Многообразие проблем, требующих конституционно-экономического осмысления

Если ограничиваться чисто юридическим анализом конституционно-правового регулирования экономики, то согласимся с В.Е. Чиркиным, что обращение к «модным» западным терминам («конституционная экономика», «экономическая конституция»...) может быть излишним – достаточно четких понятий, таких, как «конституционные основы экономики» и т.п.

Но поле и уже проводящихся, и потенциально возможных конституционно-экономических исследований гораздо шире, чем лишь анализ норм конституций, регулирующих экономическую сферу (причем, это не только нормы, прямо или косвенно закрепляющие экономическую систему [Nowicki, 2022, 215-225], формы собственности, их соотношение и пределы, и социально-экономические права [The Future of Economic and Social Rights, 2019], но

---

¹² Идеи немецких школ «ордолиберализма» и «социального рыночного хозяйства» использовались при проведении реформ Л.Эрхардом и таким образом сыграли роль в феномене «немецкого экономического чуда» - см.: [Гринберг, 2019, 56-66].

также нормы, устанавливающие основы бюджетно-налоговой системы, распределение «экономических» полномочий между различными органами государственной власти и такими субъектами с особым статусом, как Центральный банк, различными уровнями публичной власти и т.д.) и даже их развития в «текущем» законодательстве и правоприменительной практике. Не сводятся «конституционно-экономические исследования» и к анализу решений органов конституционного контроля по экономически значимым вопросам (речь идет как о конституционном контроле в отношении гражданского, налогового и т.д. законодательства, так и в отношении не вступивших в силу международных договоров экономического характера). Их анализ представляет огромный практический интерес, причем, объект этого анализа находится в постоянной «динамике». Так, показательно, что из 43 вынесенных в 2023 году на момент написания этой статьи постановлений Конституционного Суда РФ примерно в десяти – в постановлениях № 1-П, № 6-П, 10-П, 12-П, 14-П, 18-П, 23-П, 29-П, 30-П – оспаривались нормы гражданского и/или предпринимательского законодательства (нормы гражданского законодательства оспаривались также в некоторых других делах, правда, не имеющих столь прямого отношения к экономике, например, в постановлениях № 2-П и 7-П), в четырех – в постановлениях № 4-П, № 5-П, 28-П, 41-П – нормы налогового законодательства, в четырех – в постановлениях № 16-П, 32-П, 35-П, 40-П – нормы трудового и социального законодательства, «экономический интерес» также могут представлять некоторые другие постановления Конституционного Суда РФ (так, Постановление № 19-П хотя выносилось по делу об оспаривании нормы УК РФ, но напрямую связано с проблематикой антимонопольного регулирования, см. также постановления № 22-П и 34-П); в 2022 году нормы гражданского и предпринимательского законодательства России становились объектом конституционного контроля более 10 раз, а нормы налогового, социального и трудового законодательства – более 5 раз¹³.

Но интерес представляет и анализ того, насколько соответствующее конституционно-правовое регулирование и решения органов конституционного контроля *реально влияют* на ситуацию в экономике (для ответа на этот вопрос уже чисто юридического анализа недостаточно). Причем, косвенное влияние на экономику могут отказывать и «классические» конституционные нормы, напрямую с экономикой не связанные: о разделении властей, избирательном праве и т.д. [Болдырев, Некоторые актуальные проблемы ..., 2022, 484-486] (например, О.А. Александрова отмечала, как изменения в конституционном праве Швеции способствовали тому, что в 1930-ые гг. социал-демократы и представлявшая мелкую буржуазию партия Центра вступили в коалицию и путем взаимных уступок пришли к, по сути, кейнсианскому экономическому курсу¹⁴ и в будущем знаменитой «шведской» социально-экономической модели [Александрова, 2009, 49-51]). Конституционно-экономический интерес представляет и вопрос о регулировании возможности народа решать вопросы социально-экономической жизни через формы прямой демократии.

---

¹³ Конечно, чисто статистический подход в данном случае недостаточно достоверен. Так, как было отмечено выше, не все дела, где предметом обжалования были нормы гражданского и налогового законодательства, можно считать «в полном смысле слова» экономическими. Но задача – показать, что нормы тех отраслей законодательства, которые в наибольшей степени ориентированы на регулирование экономических отношений, часто становятся объектом конституционного контроля.

¹⁴ При этом научным обоснованием выступала не теория Кейнса, а наработки собственной «Стокгольмской» экономической школы, в частности, будущего нобелевского лауреата Г.Мюрдаля.

Отдельный интерес представляет анализ экономических причин конституционных изменений (например, причиной принятия в Великобритании знаменитого Акта о Парламенте 1911 г., ограничившего полномочия Палаты лордов, стала предшествовавшая ему борьба вокруг т.н. «народного бюджета» Л.Джорджа, принятию которого сопротивлялась Палата лордов) и отражения в конституционных актах и решениях органов конституционного контроля подходов экономических школ (выше приводились примеры с отражением либеральной идеи невмешательства государства в регулирование экономических отношений в решениях Верховного Суда США «эры Лохнера»; отражением идеи абсолютизации права частной собственности в конституционных актах революционной Франции; противоположная идея получила отражение в социалистических конституциях, а компромиссный вариант «социальной функции собственности» - в ст. 153 Веймарской конституции Германии 1919 г., ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г., ст. 42 Конституции Италии 1947 г. и др.).

Интересно, что органы конституционного контроля иногда обращаются в аргументации к работам экономистов (например, в деле *Brown v. Board of Education of Topeka* использовались данные из работы экономиста Г.Мюрдаля¹⁵). И наоборот: конституционно-правовые аргументы используются в экономических спорах. Показательный пример – решение Окружного суда Гааги, отменившее решение международного арбитража в Гааге 2014 г. против России по делу бывших акционеров компании «ЮКОС» на сумму около 50 млрд долл. США. Окружной суд Гааги использовал в своем решении экспертные заключения ряда российских правоведов, включая профессора С.А.Авакьяна, аргументировавших позицию, что, исходя из Конституции и законодательства России, нератифицированный международный договор не может породить юридические последствия (и юрисдикция международного арбитража в Гааге, и нормы материального права, которые он применил – это нормы нератифицированного Россией Договора к Энергетической Хартии), так как это нарушает принцип разделения властей¹⁶ (правда, с тех пор было еще 2 пересмотра дела в Нидерландах; в России же вопрос был фактически «закрит» Определением Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р¹⁷).

Некоторые экономические проблемы требуют конституционно-правовых механизмов решения. Например, многие угрозы экономическому суверенитету государства носят экономический характер (для России эта проблематика вновь актуализирована замораживанием российских резервов; отключением России от международной межбанковской системы SWIFT и прекращением обслуживания в России карт международными платежными системами Visa и Mastercard; зависимостью от импорта критически значимой продукции, поставки которой в Россию прекратились, и несамодостаточностью российского производства, включая зависимость от иностранных комплектующих; зависимостью от иностранных программных продуктов и т.д. [Болдырев, Импортзамещение, экономический суверенитет ..., 2022, 52–59]), но механизмы его обеспечения закрепляются в конституциях, решениях органов конституционного контроля и законодательстве различных государств [Болдырев, 2018].

---

¹⁵ *Brown v. Board of Education of Topeka*, 347 U.S. 483 (1954).

¹⁶ См.: п. 5.61, 5.79, 5.81, 5.87, 5.88, 5.93, 5.94 Решения Окружного суда Гааги от 20 апреля 2016 г.

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»

Ну и, наконец, вечный вопрос, поиск ответа на который можно осуществлять в рамках конституционно-экономических исследований: имеется ли корреляция между политическим режимом (оформляемым и поддерживаемым конституционно) и экономическим развитием?¹⁸ Например, некоторые авторы (Ф. Хайек, Д. Аджемоглу и др.) связывали демократический режим, рыночную экономику и экономическое развитие. В то же время, хотя есть много примеров, как будто, подтверждающих эту корреляцию, существуют и обратные примеры, например, государств, продемонстрировавших активное экономическое развитие и при этом далеких от идеалов демократии. Кроме того, неконтролируемый государством рынок и капитал также представляют угрозу для демократии: через финансирование политических партий, избирательных кампаний и СМИ крупный капитал нередко манипулирует гражданами, лоббирует определенный курс экономической политики и т.д.

Таким образом, ряд вопросов носит конституционно-политико-экономический характер. Н.С.Бондарь отмечает: «Конституционная экономика есть не что иное как «конституционная политическая экономия», она тесно связана с политической философией...» [Бондарь, 2019, 126]. И сам Дж. Бьюкенен и его соратники использовали оба термина: «конституционная экономика» и «конституционная политическая экономия». Однако, нужно понимать, что речь у них шла о т.н. «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена, которую логичнее было бы назвать «экономической (а еще точнее – неинституциональной, т.е., фактически по своей методологии неоклассической) политологией» (политическим был лишь объект исследования, а методология использовалась заимствованная не из классической политэкономии, а из неоклассического economics).

В то же время, автору данной статьи приходилось писать о потенциале «конституционной политической экономии» в другом значении: не как синонима «конституционной экономики», а как междисциплинарного направления на стыке конституционно-правовой науки и «институциональной политической экономии», к созданию которой призывают некоторые исследователи [Болдырев, Некоторые актуальные проблемы ..., 2022, 482] и которая может объединить подходы институциональной экономики (причем, не только популярного сегодня «нового институционализма», но и «исходного институционализма» и его продолжателей) и политической экономии. Именно «политико-экономический» аспект (не редуцируя его понимание ни до «новой политической экономии» Бьюкенена, ни до марксистской политэкономии, которая наиболее известна в нашей стране) может представлять особый интерес для конституционалистов.

Заключение

Таким образом, и взаимовлияние конституционно-правовой и экономической практики, и попытки его исследования имеют долгую историю. Поле «конституционно-экономических» исследований широко и разнообразно, а новые вызовы, встающие перед человечеством, вызывают на каждом новом историческом этапе потребность в новом осмыслении «конституционно-политико-экономической» проблематики.

---

¹⁸ К этой теме обществоведы возвращаются на протяжении десятилетий от классической работы Й.Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» до самых последних публикаций – см. например: [Kemnitz, Roessler, 2022].

Библиография

1. Александрова О.А. Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. М.: М-Студио, 2009. 288 с.
2. Баев В.Г. «Экономическая конституция» объединенной Германии: эпоха Бисмарка // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 202-214.
3. Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М.: ЛУМ, 2020. 156 с.
4. Баренбойм П.Д. (сост.) Ежегодник конституционной экономики. М.: ЛУМ, 2018. 441 с.
5. Баренбойм П.Д. Российская школа конституционной экономики (конституционной политической экономики, конституционно-правовой экономики): фантомы, мифы и термины конституционно-экономической теории // Ежегодник конституционной экономики. М.: ЛУМ, 2018. 441 с.
6. Болдырев О.Ю. Импортзамещение, экономический суверенитет и экономическая политика государства в условиях санкций и геополитического противостояния: взгляд с позиций конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 52-59.
7. Болдырев О.Ю. Некоторые актуальные проблемы конституционно-экономических исследований // Право: История и современность. 2022. № 4. С. 478-491.
8. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты. М.: Проспект, 2018. 408 с.
9. Бондарь Н.С. Экономическая конституция, конституционная экономика и (или?) экономический конституционализм // Ежегодник Конституционной Экономики. М.: ЛУМ, 2019. 528 с.
10. Гаджиев Г.А. Меморандум // Ежегодник Конституционной Экономики. 2019. М.: ЛУМ, 2019. 528 с.
11. Гринберг Р.С. Возрождение идеи социальной рыночной экономики: устойчивый тренд или временный феномен? // Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории. М., 2019. С. 56-66.
12. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016. С. 345-346.
13. Жид Ш. Социально-экономические итоги XIX столетия. СПб., 1906. 295 с.
14. Крашеников Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М.: Норма: Инфра-М, 2010. Т. 2. 816 с.
15. Мальцев А.А., Розинская Н.А. Теория без измерений, или некоторые штрихи к творческому портрету Дугласа Норта // Journal of institutional studies. 2021. № 4. С. 71-90.
16. Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1. 480 с.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 190 с.
18. Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов-на-Дону: Содействие – XXI век; Гуманитарные перспективы, 2010. 415 с.
19. Сорокин Д.Е. Политическая экономия технологической модернизации России // Экономическое возрождение России. 2020. № 1 (63). С. 18-25.
20. Федотова В.Г., Колпаков В.А. Эволюция экономической теории: от А.Смита к неосмитианству // Мир перемен. 2010. № 4. С. 9-25.
21. Чиркин В.Е. О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11-13.
22. Чичерин Б. Собственность и государство. М.: Типография Мартынова, 1882. 506 с.
23. Шевердяев С.Н. Отражение современной антикоррупционной культуры в российском конституционном праве. М., 2020. 320 с.
24. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 692 с.
25. Яковлев Н.Н. (ред.) Федералист. Политические эссе А. Хамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс – Литера, 1993. 592 с.
26. Bateman W. Public Finance and Parliamentary Constitutionalism. Cambridge University Press, 2020. 264 p.
27. Beard Ch.A. An Economic Interpretation of The Constitution of The United States. New York: The Macmillan Company, 1962. 161 p.
28. Kemnitz A., Roessler M. The effects of economic development on democratic institutions and repression in non-democratic regimes: theory and evidence // Constitutional Political Economy. 2022. September. P. 145-164.
29. Nowicki H. Constitutional Foundations of the Market Economy. Administrative Law Issues of Economic Freedom // TeKa Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie. 2022. Vol. XV. No. 1. P. 215-225.
30. The Idea of Economic Constitution in Europe: Genealogy and Overview. Leiden, Boston, 2022. 825 p.
31. The Future of Economic and Social Rights. Cambridge University Press, 2019. 684 p.

**Constitutional Economics: The Diversity of Research Sphere and
Methodological Approaches (to the anniversary of the department of
constitutional and municipal law of the law faculty of Lomonosov Moscow
State University)**

Oleg Yu. Boldyrev

PhD in Law,
Leading Researcher at the Institute for Economic Policy
and Economic Security Problems,
Financial University under the Government of the Russian Federation;
Assistant at the Department of Constitutional and Municipal Law,
Associate Professor at the Department of Political Economy,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: oleg211291@bk.ru

Abstract

The article discusses both the relationship between constitutional law and the economy, as well as various approaches to its research, which have been developed both in economic science and in legal science. The article shows that the connection between constitutional law and economy is not only a modern trend, as is often presented in modern literature. A number of institutions of "classical" constitutional law, as well as the first constitutions, appeared in close connection with the solution of economic problems. The constitutions reflected the approaches of various schools of thought in the field of political economy. A number of constitutional norms relating to the economic sphere subsequently received a different interpretation as a result of their interpretation by constitutional control bodies. Representatives of various schools of political economy, "original" and "new" institutional economics, the Freiburg school of "ordoliberalism" and other researchers of economic science were engaged in understanding the mutual influence of constitutions, legislation and economics. Similarly, representatives of the science of constitutional law turned to economic issues. It is shown that the "constitutional and economic" problems are not limited to the constitutional regulation of the economy, but include a wide range of heterogeneous problems. Such areas of interdisciplinary research as "constitutional economics", "economic constitution", "economic constitutionalism" are engaged in the analysis of these problems. The author draws attention to the potential of "constitutional political economy".

For citation

Boldyrev O.Yu. (2023) Konstitutsionno-ekonomicheskaya nauka: raznoobrazie issledovatel'skogo polya i metodologicheskikh podkhodov (k yubileyu kafedry konstitutsionnogo i munitsipal'nogo prava yuridicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova) [Constitutional Economics: The Diversity of Research Sphere and Methodological Approaches (to the anniversary of the department of constitutional and municipal law of the law faculty of Lomonosov Moscow State University)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (8A), pp. 166-183. DOI: 10.34670/AR.2023.77.40.022

Keywords

Constitutional foundations of the economy, constitutional economics, constitutional political economy, economic constitution, economic constitutionalism, legal institutionalism, institutional political economy, the role of the state in the economy, constitutional foundations of the financial system, constitutional regulation of property.

References

1. Aleksandrova O.A. (2009) *Institutsional'nye problemy stanovleniya sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoi Rossii* [Institutional problems of the formation of a social state in modern Russia]. Moscow: M-Studio Publ.
2. Baev V.G. (2020) «Ekonomicheskaya konstitutsiya» ob"edinennoi Germanii: epokha Bismarka ["Economic Constitution" of a united Germany: the era of Bismarck]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 5, pp. 202-214.
3. Barenboim P., Mishina E. (2020) *Uroki konstitutsionnogo krizisa 2020* [Lessons from the constitutional crisis 2020]. Moscow: LUM Publ.
4. Barenboim P.D. (comp.) (2018) *Ezhegodnik konstitutsionnoi ekonomiki* [Yearbook of constitutional economics]. Moscow: LUM Publ.
5. Barenboim P.D. (2018) Rossiiskaya shkola konstitutsionnoi ekonomiki (konstitutsionnoi politicheskoi ekonomiki, konstitutsionno-pravovoi ekonomiki): fantomy, mify i terminy konstitutsionno-ekonomicheskoi teorii [Russian school of constitutional economics (constitutional political economics, constitutional-legal economics): phantoms, myths and terms of constitutional economic theory]. In: *Ezhegodnik konstitutsionnoi ekonomiki* [Yearbook of constitutional economics]. Moscow: LUM Publ.
6. Bateman W. (2020) *Public Finance and Parliamentary Constitutionalism*. Cambridge University Press.
7. Beard Ch.A. (1962) *An Economic Interpretation of The Constitution of The United States*. New York: The Macmillan Company.
8. Boldyrev O.Yu. (2018) *Ekonomicheskii suverenitet gosudarstva i konstitutsionno-pravovye mekhanizmy ego zashchity* [Economic sovereignty of the state and constitutional and legal mechanisms for its protection]. Moscow: Prospekt Publ.
9. Boldyrev O.Yu. (2022) Importozameshchenie, ekonomicheskii suverenitet i ekonomicheskaya politika gosudarstva v usloviyakh sanktsii i geopoliticheskogo protivostoyaniya: vzglyad s pozitsii konstitutsionnogo prava [Import substitution, economic sovereignty and economic policy of the state in the context of sanctions and geopolitical confrontation: a view from the position of constitutional law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 9, pp. 52-59.
10. Boldyrev O.Yu. (2022) Nekotorye aktual'nye problemy konstitutsionno-ekonomicheskikh issledovaniy [Some current problems of constitutional and economic research]. *Pravo: Istoriya i sovremennost'* [Law: History and Modernity], 4, pp. 478-491.
11. Bondar' N.S. (2019) Ekonomicheskaya konstitutsiya, konstitutsionnaya ekonomika i (ili?) ekonomicheskii konstitutsionalizm [Economic constitution, constitutional economics and (or?) economic constitutionalism]. In: *Ezhegodnik Konstitutsionnoi Ekonomiki* [Yearbook of Constitutional Economics]. Moscow: LUM Publ.
12. Chicherin B. (1882) *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and State]. Moscow: Tipografiya Martynova Publ.
13. Chirkin V.E. (2016) O terminakh «ekonomicheskaya konstitutsiya» i «konstitutsionnaya ekonomika», a takzhe o rossiiskoi i zapadnoi nauke (otklik na stat'yu G.N. Andreevoi) [On the terms "economic constitution" and "constitutional economics", as well as on Russian and Western science (response to the article by G.N. Andreeva)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 3, pp. 11-13.
14. Efimov V.M. (2016) *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki* [Economic science is in question: different methodology, history and research practices]. Moscow: KURS: INFRA-M Publ.
15. Fedotova V.G, Kolpakov V.A. (2010) Evolyutsiya ekonomicheskoi teorii: ot A.Smita k neosmitianstvu [Evolution of economic theory: from A. Smith to neo-Smithianism]. *Mir peremen* [World of Changes], 4, pp. 9-25.
16. Gadzhiev G.A. (2019) Memorandum [Memorandum]. In: *Ezhegodnik Konstitutsionnoi Ekonomiki* [Yearbook of Constitutional Economics]. Moscow: LUM Publ.
17. Grinberg R.S. (2019) Vozrozhdenie idei sotsial'noi rynochnoi ekonomiki: ustoichivyi trend ili vremennyi fenomen? [Revival of the idea of a social market economy: a stable trend or a temporary phenomenon?]. In: *Ekonomicheskaya nauka: zabytye i otvergnyute teorii* [Economic science: forgotten and rejected theories]. Moscow.
18. Kemnitz A., Roessler M. (2022) The effects of economic development on democratic institutions and repression in non-democratic regimes: theory and evidence. *Constitutional Political Economy*, September, pp. 145-164.
19. Krashennikov N.A. (2010) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Reader on the history of state and law of foreign countries]. Moscow: Norma: Infra-M Publ. Vol. 2.

20. Mal'tsev A.A., Rozinskaya N.A. (2021) Teoriya bez izmerenii, ili nekotorye shtrikhi k tvorcheskomu portretu Duglasy Norty [Theory without measurements, or some touches to the creative portrait of Douglas North]. *Journal of institutional studies*, 4, pp. 71-90.
21. Mill J.S. *Osnovy politicheskoi ekonomii i nekotorye aspekty ikh prilozheniya k sotsial'noi filosofii* [Fundamentals of political economy and some aspects of their application to social philosophy]. Moscow: Progress Publ. Vol. 1.
22. Nort D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala Publ.
23. Nowicki H. (2022) Constitutional Foundations of the Market Economy. Administrative Law Issues of Economic Freedom. *Teka Komisji Prawniczej PAN Oddzial w Lublinie*, XV, 1, pp. 215-225.
24. Nureev R.M. (2010) *Ocherki po istorii institutsionalizma* [Essays on the history of institutionalism]. Rostov-on-Don: Sodeistvie – XXI vek; Gumanitarnye perspektivy Publ.
25. Sheverdyayev S.N. (2020) *Otrazhenie sovremennoi antikorrupsionnoi kul'tury v rossiiskom konstitutsionnom prave* [Reflection of modern anti-corruption culture in Russian constitutional law]. Moscow.
26. Shlezinger A.M. (1992) *Tsikly amerikanskoj istorii* [Cycles of American history]. Moscow: Progress, Progress-Akademiya Publ.
27. Sorokin D.E. (2020) Politicheskaya ekonomiya tekhnologicheskoi modernizatsii Rossii [Political economy of technological modernization of Russia]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 1 (63), pp. 18-25.
28. (2019) *The Future of Economic and Social Rights*. Cambridge University Press.
29. (2022) *The Idea of Economic Constitution in Europe: Genealogy and Overview*. Leiden, Boston.
30. Yakovlev N.N. (ed.) (1993) *Federalist. Politicheskie esse A. Khamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [The Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. Moscow: Progress – Litera Publ.
31. Zhid Sh. (1906) *Sotsial'no-ekonomicheskie itogi XIX stoletiya* [Socio-economic results of the 19th century]. St. Petersburg.